

• ИНТЕРВЬЮ

Наталья Дмитриевна СОЛЖЕНИЦЫНА, жена великого писателя — яркого и обаятельного человека. Правда, интервью дает резко. Но нам удалось ее уговорить. С ней беседует Наталья ЖЕЛНОВА.

- Наталья Дмитриевна, прошло уже больше трех лет, как ваша семья вернулась в Россию. Наверное, когда вы решали, возвращаться сюда или нет, рисовали себе какие-то картины. Как они совпали с реальностью?

- Таких размышлений — возвращаться или нет? — никогда не было. Мы абсолютно твердо знали, что вернемся, если откроется возможность. И когда наступило время перемен — мы обсуждали только рабочие моменты: как закончить начатые книги, привести хоть в относительный порядок огромный архив.

Что мы увидели, когда вернулись? Что большинству на родине очень тяжело и плохо. Что страна изменилась невероятно. Но это не было неожиданным. Все понимали, что после 70-ти лет советской власти выход будет очень трудным... Но что сразу же будет сделано столько тяжелейших ошибок — либо глупых, либо преступных, но так или иначе, по результатам, — предательских по отношению к своей земле, — этого, конечно, никто не мог ожидать.

Солженицыны многие пытаются сделать из пророков, то политиков. Пока он был в США — ждали пророчества. Казалось, что липом к лицу лица не увидать, и только издалека можно изречь истину. Когда вернулся — все засорили: вступил ли он в высокую должность? И в какую? По бытовательскому мнению, иначе и быть не может: каждый значительный человек должен иметь Большой Чин. Но для вас с ним, как я понимаю, не планировалось ни то ни другое, — ни пророчества, ни государственная служба?

- Разумеется. В 1993 году, накануне возвращения, Александр Исаевич много раз в интервью говорил, что не претендует ни на какой чин, не примет никакого поста и не вступит ни в какую партию. Другое дело — напрямую общаться с согражданами. Поначалу ему давали выступать по телевидению, регулярно, потом его передачу запретили. Но, очевидно, есть в нем такие, что люди хотят его участия в разных партиях и движениях, таких приглашений — несть числа. Конечно, у Александра Исаевича большая гражданская энергия, постоянная тревога о судьбе стра-

Фото Л. Зинченко, Тверь

ны, он пишет об этом достаточно часто. Здесь он и общественный деятель и публицист одновременно. Но главный его дар — это дар писателя. И сам он себя считает вовсе не политиком и уж конечно не пророком, а именно писателем.

- Как же не пророком, когда и сам знает, что многие серьезные события он предвидит! Например, развал СССР, необходимость отделения Чечни, союза с Белоруссией, самоуправления на местах...

- Он, действительно, много раз предвидел неочевидные вещи. Например, в 1974 году в Стокгольме, вскоре после нашего изгнания, он сказал, что еще при жизни вернется в Россию, — и все 20 лет в это верил. Над ним добродушно смеялись. Одни говорили: романтик. Другие — фантазер. Третьи — валились от смеха. Но он был прав!

Да события в мире так разворачивались, что и верить в то было невозможно. Вот уже в 80-х годах — шла

афганская война, переудились всех диссидентов, казалось — это навсегда, казалось, мы и умрем там, — Александр Исаевич разводит руками и говорил виновато: "Знаешь, действительно, никак не могу не указать на то, что мы вернемся. Но я, вот, вижу наш возврат и всё тут."

У него были предвидения крупных вещей, в которых он не ошибся. Это, я думаю, не дар предсказания, а соединение глубокого, обстоятельного знания новейшей истории и проникновения в психологию людей. И лидеров, и рядовых граждан. Именно это позволяло ему видеть ход событий, чувствовать тенденции.

- Так что желания поменять роль — с писателя на политика — не возникло? А как быть с тем, что страна остро нуждается в честных, страстных политиках?

- Да, нуждается! И страна должна их найти, молодых. В России много умных и порядочных людей, так что най-

тись — найдутся, главная трудность: как их поддержать и выдвинуть. Для ежедневной политики Александр Исаевич уже не молод, не говоря уж, что никогда он его не привлекал. Когда пройдут годы, и нас много будет в живых, — останутся его книги. Книгам он и отдаст себя, и возлагает свою отрада от сиюминутной политики. Но не от людей, не от читателей. Он ездит по стране, у него много встреч, мы ведем большую переписку, писем тысячи. Правда, раскрывая конверты, он ждет отзвонки на книги, а чаще получает жалобы на беспредел местных чиновников, или приглашения приехать, выступить, или просьбы о помощи.

- О какой же помощи вы просите? - Больше всего о материальной. Ведь обещание страшное. Конечно, есть такой тип людей, кто просит — пишет подпорядок во все инстанции, в надежде, что где-нибудь да обломится. Но большинство, кто нам пишет, — даже не просит, просто описывают свои безнадёжные обстоятельства. Они старые, больные, они уже не могут приспособиться к новой жизни. Большое преступление наших властей — что этих людей, как балласт, выкинули за борт. Идти "к счастью будущих поколений" (если вообще кто-нибудь дойдет) по трупам сегодняшним — разве не так шли большевики, и разве не за это на них проклятие?

- Чувствую, что незвизрая на заигрывание с вами властей, на то, что они поменяли (по сравнению с семидесятыми годами) свою идейную ориентацию, у вас так и не сложились отношения с нынешними рулевыми?

- Отношений с властью у нас просто нет. Власть сама так решила и совершенно ясно это показали. И мы это приняли. Никаких возражений с нашей стороны не было.

- Может, это и лучше? "Минут нас лучше всех печалей и барский гнев и барская любовь..."

- В случае Александра Исаевича это более чем естественно. Они явно показали, что терпят Солженицына с трудом. Он им не нужен. Это проявление с самого начала, как только мы вернулись. Ельцин долго колебался: одни советчики говорили ему, что не надо встречаться с Солженицыными, другие — что надо. Через 5 месяцев встретились.

Продолжение на с. 6

• ИНТЕРВЬЮ

Продолжение. Начало на с. 3
РАЗГОВОР был долгий и как будто серьёзный. Но никакого продолжения и никаких последствий не имел. Мы и не пытались изменить это положение. Приняли его как статус-кво. Так и живём — они сами по себе, а мы сами по себе. Именно власти выкинули Солженицына с телевидения, в чем недавно печатно признался Благоевлин. Они втянули в кампанию интеллигентно, которая, впрочем, с упованием дала себя использовать, застав в газетах, что Солженицын не интересен и никому больше не нужен. Поэтому, мол, для настрелу такому мнению, его и убрал. Теперь же Благоевлин, сам покидая телевидение, сказал, что более всего стыдится именно того, что его руками выгнали Солженицына. И что это было чисто политическое дело: мол, накануне президентских выборов ни один человек, выступающий с такой критикой, даже Солженицын, не мог рассчитывать на то, что его оставят в эфире. А по-моему — не "даже" Солженицын, а именно Солженицын: критиковать звучит немало, и куда какой резкой, — да им как с гуся вода, а от Солженицына — было чувствительно, потому что он по-прежнему пользуется высоким авторитетом у людей. Это мы ощущаем на каждом шагу. Где бы мы ни оказались, мгновенно Александра Исаевича окружают люди и начинают разговор. И разговор идёт так, будто они постоянные, хорошо знакомые собеседники.

- У меня тоже возникло такое чувство, когда я впервые пришла к вам домой. Видно, это объясняется тем, что читателям Солженицын уже заранее — родной человек. Они знают его "думки", понимают его чувства, ощущают настроение...

- Да и просто на улице — люди посмелее подходят и говорят: "Позвольте показать вашу руку". А кто поспешительно — просто идут рядом, улыбаются или кланяются. Его окружает волна тепла, признательности, заинтересованности. Ну а власть... Он всё равно никогда бы не прислуживал, не обслуживал. Всегда говорил бы, что думает. И власть сразу это поняла. Весьма показательно и для них, и для простых людей.

- Что, Наталья Дмитриевна, не верите в нынешнюю российскую демократию?

- Если король гол, то он гол... Это всегда видно. Прикрывать словесной демократией, когда реальной демократии нет, бессмысленно. Какая демократия, если негодного депутата нельзя отозвать? Если жизнь на местах командуют из центра? Какая же власть народа, если народ не получает плату за свой труд? России придётся пройти долгий-долгий путь, наращивая политический опыт, у нас не только говорить, но жить демократически.

- Не было у вас глубокого разочарования после возвращения в Россию: зачем, мол, всё это? Там жили, как туру в Тибете, а здесь — слова как диссиденты?

- Нет, разочарования, как вернулись, — не было. Никогда, ни одного дня и ни одного часа. Была и есть — боль. Смотреть вокруг — больно.

- Кто-то из великих сказал, что женщина — воспитательница мужчин, но почему так драматично у многих российских жён складывается судьба? Почему "жизни счастье" нам не дано?

- В несчастной стране — трудно ожидать безмятежных женских судеб. Сколько в России в XX веке безвременных смертей! А для большинства живых — уровень, условия жизни едва ли выше скотских. Прожив 20 лет на Западе, я могу сравнить. У нас десятилетиями люди лишены самых элементарных благ, которые на Западе есть у каждого. Женщина по природе — строитель-

- Наверное, могут. Но власть — очень жестокая работа: у неё нет меры, нет часов, она не только время — она душу съедает. Соединить властное командирство и естественные жизненные роли матери, жены, подруги — совсем не просто, и всегда есть риск превратиться просто в начальника без пола. И если у нас станет много таких прекрасных начальников, а их детей будет воспитывать кто-нибудь другой — это для будущего общества хорошо или плохо? Вот во Франции в политической жизни женщины как не было, так и нет. А в англосаксонском мире у "карьерных" женщин часто такие отношения с собственными детьми — каких-то, я думаю, не захотели бы для себя. Мы всё думаем, что умнее всех, и всех перекирив, саму природу и Господа Бога. Не перекирив!

- Наталья Дмитриевна, в своей молодости вы предчувствовали, что вас ждёт такая судьба — с постоянной отчаянной борьбой, своим особенным счастьем, необыкновенным мужем?..

- Нет. Но какая-то готовность к трудной судьбе — была. Может, судьба сама эту готовность заметила.

Как многие в России, особенно в те годы, я жила книгами и среди книг. С 12 лет перечитывала на машинке запрещённые стихи и прозу, раздавала друзьям.

Много лет я была "стойким солдатом" самиздата. А в 1962-м мне было 23 года. Я кончила мехмат МГУ, у меня уже был маленький сын, я была замужем. "Ивана Денисовича" прочитала сразу, как вышел "Новый мир", читала ночью, на нашей крохотной кухне, — и сразу ощутила, что это огромное событие: не потому только, что он будто кляп вытиснул из тех, что не мог свой стон простонать вслух, но потому что это была — великая литература. В России появился великий писатель. Но никакого стремления познакомиться с ним у меня не было. Как и вообще ни с какой знаменитостью.

- Наталья Дмитриевна, на природу не посягаешь, но ведь на власть-то можно! Сколько умнейших женщин, они ведь и страной могут управлять...

- Ну, это много позже, в 1968-м. Мы уже давно расстались с Андреем (хотя дружбу сохранили, по сей день). Я по-прежнему принадлежала к самиздатским кругам. Нас с Александром Исаевичем познакомили Наталья Ивановна Столярова, наш общий замечательный друг. Но это всё описано в книге "Бодался теленок с дубом".

- В одной семье оказалось два сильных характера — ваш и Александра Исаевича. Дайте вы друг на друга? Кто у вас главнее?

- В нашей семье никакого нет соперничества. Но меня часто так спрашивают, и я ему однажды о том сказала. Он просто расхохотался: "Надеюсь, ты правду отвечаешь? — что никогда я тебя не пригнетал, даже не пробовал никогда пригнетать, потому что с самого начала понял, что это бесполезно". Да какое соперничество! — вся жизнь, от начала и по сегодню, требовала от каждого из нас больше, чем могут человеческие силы, мы в четыре руки еле-еле успеваем — да не успеваем! — сделать задуманное. Мы семья, мы друзья, каждый занимает то место, на котором может справиться лучше всего и быстрее всего. Каждый за другого всегда радуется. Хотя совсем не значит, что у нас не бывает споров, и очень жарких... Мы никогда не тннули в разные стороны, мы тянем в одну, но можно ведь, и в ту же дверь теснись, столкнуться лбами. Идиллической картины, наверное, нет. Но есть созвучие, напряжённое и радостное.

- Психологи утверждают, что есть семьи, где люди замкнуты на себе, повернуты лицом друг к другу, в других — супруги обращены к миру, они идут параллельно. А как в вашей семье?

- И так, и этак. Наша жизнь не очень-то позволяла замыкаться на себе и поворачиваться спиной к миру. Тем более мы ценили моменты затишья. А появились дети, мы над ними были щепка к щепке. Да как во многих семьях, наверное, — отношения у нас многообразные и полные.

- Вы такая живая, энергичная, а Александр Исаевич многим представляется суровым и очень целеустремлённым. Признаться, уметь ли Солженицын ужасовать? Что он вам дарит?

- Позвольте мне хоть что-нибудь оставить при себе, ведь жизнь продолжается. Да, суровый, да, целеустремлённый. Но и очень нежный. В трудной жизни так важна подлинная нежность, и забота, и тепло. И чтобы они не иссякали. Всё это у нас есть.

- Ревновал ли вас муж к кому-нибудь? Учительная у вас обаятельный характер, внешность, думаю, что мужчины были от вас без ума...

- Он очень ревнив, увы, но поводов для ревности у него не было. Честно говоря, он меня ревновал всю жизнь — ко времени, которое тратилось не на него. Вот и сейчас он ревнует — к нашему с вами интервью, а работа стоит... А вы его не ревнуете?

- А?! Абсолютно нет! Я вообще не ревнива.

Окончание следует.

Мать, отец и сыновья — Ермолай и Игнат

Фото Екатерины Светловой

Не муарено женщине пойти во власть, муарено оставлять при том женщиной.

• ИНТЕРВЬЮ

Публикуем окончание интервью с Натальей Дмитриевной Солженицыной. Начало в № 50

- Некоторые живут воспоминаниями о прошлом, другие умеют находить радость в настоящем, а третьи надеются: вот-вот и мы заживём... А вы в каком времени ощущаете своё счастье?

- Всегда в настоящем. Я вот ехала сейчас на интервью и вспоминала множество необязательно сердцу милых эпизодов... И с тоской подумала: как жаль, что у меня так мало времени вспоминать. Я живу жизнью, в которой — пока — нет времени вспоминать.

- Когда же вам вспоминать, когда надо и семью накормить, и машину управлять, и на компьютере работать с текстами, и Фондом заправлять... А что Александр Исаевич может делать своими руками?

- Он же офицер Советской Армии, сколько провоевал. Сначала служил в обозе, лошадей запрягал. Потом учился в Ленинградском артиллерийском училище, в Костроме оно было тогда. После этого всю войну воевал командиром звукоразведывательной батареи. Потом лагерь. Потом ссылка, где он, одинокий, сам вёл своё хозяйство. Так что всё может делать — что надо, то и может. Конечно, я всегда старалась совсем его хозяйством не занимать, высвободить ему время.

- Во сколько вы встаёте, чтобы все необходимые дела втиснуть в сутки?

- В Вермонте распорядок был постоянный, теперь пёстрым. Очень много надо успеть. Часто я ложусь поздно, в 2 ночи, после полуночи нет звонков и хорошо работается. Встаю в 7-8 утра и, естественно, недосыпаю. И сразу закручивается день. Телевизор я не смотрю — не люблю, и никогда не смотрела. Да и вообще, мы — книгожители!

- С годами меня всё больше привлекает документальная и мемуарная проза. Со стихами я жила всегда, и живу. Но и журналы, конечно, — "Новый мир", "Звезда", "Москва", "Знамя", "Континент". Читаю много и очень быстро. Но главным образом я работаю с Александром Исаевичем, над текстами его будущих книг.

- Что-то большое готовится к выходу?

- Да, книга очерков изгнания. "Угрозил зёрнышко промезе двух жерновов". Это как бы продолжение "Телёнка", и писал он её, как и "Телёнка", квантами: первый раз в 78-м, потом в 82-м, в 87-м. Александр Исаевич ворчит, что медленно работа идёт. Чтобы быстрее шла, надо бы ото всего отгородиться и работать только над книгой. Но в Москве это невозможно, много нужных встреч, и фонд, и издательство.

- При чтении текстов мужа вы выступаете как "хвалебщик" или как "ругальщик"? Наверное, женское чутьё стоит прозорливости великих мужей?

- Сильное хвалю, слабое ругаю. Я

уже много-много лет первоочередно его вещей и, как он считает, жестокий критик. Но признаёт, что вещам на пользу.

- Я знаю, что вы получаете много писем. Но многим ли вы отвечаете?

- Лишь на малую долю тех, что приходят. Иначе невозможно, писем многие тысячи. Архивом переписки теперь у нас заведует "бабушка" — моя мама Екатерина Фердинандовна. Она аккуратно регистрирует все письма. На ней тоже часть и покупок, и готовки, и шофёр она прекрасный.

- Я понимаю, что работы много и делать её надо. Но бываю же всё-таки минуты отдыха. Как у вас дома про-

- Неужели вы ходите к исповеди, к причастию?

- Конечно. Мы церковные люди, ходим к исповеди и причастию. В Америке, в приходе, к которому мы принадлежали, священник хорошо знал каждого прихожанина, исповедовал не реже, чем каждый большой пост — четыре раза в год.

- И куличи печёте?

- Сама. Бабушка (моя мама) всегда расписывала яйца, она большая художница, дети ей помогали. А куличи и пасха — это моё дело.

- Наталья Дмитриевна, я понимаю вашу веру, я сама верующая. Но некоторые, ссылаясь на помезность Церк-

Это мой вседневный грех. Утром, как из постели вско-чу, сразу закручиваюсь на весь день. У меня не хватает на молитву утренней тишины. И очень жаль. А Александр Исаевич большой молитвенник. Он утром умеет найти паузу для разговора с Богом. А я грешна, что не нахожу времени.

- Писательский труд не лёгок, семья у вас большая, денег обычно всегда не хватает, как пришлось такое решение — создать Фонд и отдать в него деньги за "Архипелаг"?

- А другого решения не могло и быть. Александр Исаевич не мог присосунуться к тем деньгам, которые принесла эта книга — книга о крови, муках, гибели миллионов людей. Он сразу всё и отдал — с того момента, как его выслали, и навсегда впредь — чтобы помочь выжить заключённым ГУЛАГа, их жёнам и детям. Теперь ещё "Архипелаг ГУЛАГ" — через нашу литературную премию — будет помогать писателям, работающим в традициях великой русской литературы. И мы продолжим помогать бывшим заключённым. Ещё будучи в Америке, мы закупали тёплую одежду, медикаменты, продукты, посылали всё это на родину, сначала с иностранными дипломатами и журналистами, которые соглашались нам помочь, потом, в начале 90-х, уже и открыто, пелыми контейнерами. И сейчас мы ежегодно помогаем более чем 1000 бывших заключённых. И радуемся, что можем помочь.

- Естественно, это всё по-христиански, но ведь нельзя объять необъятное! Вы вернулись из США небагатыми людьми?

- Но и не бедными, грех жаловаться. Хотя Александр Исаевич отдал в Фонд в 5 раз больше того, что оставил семье. И надо было вырастить и выучить четырёх сыновей. В Америке образование страшно дорогое, а все они учились в лучших университетах. Есть большой, просторный дом, в котором поместился и наш грандиозный архив. Конечно, машина, без которой мне бы пропала, ничего не успеть. Мы никогда ничего не копили. И он, и я прожили детство почти в нищете. Отца моего убили на фронте в 1941. Мне было 2 года, матери — 22. И она, ещё не кончив Московский авиационный институт, тянула меня и бабушку. И в детстве я всегда хотела есть. Это дилолось довольно долго. Потом мать вышла замуж, стало материально легче. А у Александра Исаевича отец погиб ещё до его рождения, они с матерью много лет бедствовали, и она умерла фактически от недоедания, в 49 лет, когда он был на фронте. В общем, мы оба неизбалованные люди. Бывает так, что когда в детстве голодаешь, то потом страх, и хочется себя надолго обеспечить. Но у нас этого не было.

Продолжение на с. 10

На снимке: Степан, отец, Дмитрий, Ермолай и Игнат. Внизу — Наталья Дмитриевна в день своего 49-летия. Вермонт, 1988 год.

Фото Екатерины Светловой